

На правах рукописи

БОРИСОВА ВИОЛЕТТА СЕРГЕЕВНА

**СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ БОСПОРА
В VI – IV ВВ. ДО Н.Э.**

Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Нижний Новгород – 2006

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы. Государство является классическим политическим учреждением и играет важнейшую роль в системе политической организации любого общества, достигшего цивилизации. Именно поэтому проблема античной государственности, ее истоков и развития является одной из приоритетных в изучении истории Древней Греции как в отечественном, так и в зарубежном антиковедении. А это, прежде всего, проблема специфических государственных систем греков – полисов. Именно полис был основной формой экономической, социальной, политической и идеологической организации древнегреческого общества.

Оказавшиеся за пределами своей Родины, греки также строили свои общественные отношения по принципу полиса. Однако каждый регион, в котором они оказались, обладал и собственной политической традицией. В силу этого изучение периферийных государств античного мира, где конкретно-историческая ситуация в каждом отдельно взятом случае создавала определенные особенности развития, приобретает особенно важное значение. Именно это стало первой побудительной причиной избрания темы предлагаемой диссертации.

В качестве *объекта исследования* избрано уникальное государственное образование Северного Причерноморья – Боспорское царство. В его состав входили как греческие полисы, так и варварские племена. Благодаря полиэтничности населения государства, взаимовлиянию культурных традиций античных полисов и варварских этносов, особенности своего положения на периферии античного мира, Боспор превратился в необычное с точки зрения эллинских понятий государство – территориально-тираническую державу. Возглавившие ее тираны в значительной степени узурпировали полисные права вошедших в ее состав городов, о чем свидетельствует анализ соответствующих источников. Тем не менее,

полного подавления полисных традиций, полного растворении полисов в державе Спартокидов не произошло: уже чеканка монеты гражданской общиной Пантикапея на протяжении всего периода правления династии, остававшейся основным эмитентом даже с появлением царской монеты, факт весьма показательный.

Предметом исследования является развитие государственности Боспора – от основания и конституционного оформления апойкий, последующего их объединения в единое территориальное государство, до сложения и утверждения основ его политической организации.

Немногочисленность и небольшая информативность источников по интересующей нас теме, а также прекрасно подмеченный М. И. Ростовцевым факт, что “боспорская власть, создававшаяся в особых исторических условиях и развивавшаяся в совершенно особой среде последовательно и почти без перерывов, не находит себе полной аналогии ни в одном из уголков античного мира”, породили значительное разнообразие гипотез и концепций о путях формирования и развития боспорской государственности, между авторами которых есть и точки соприкосновения и существенные различия во взглядах. Практически ни один из дискутируемых вопросов не имеет на сегодняшний день окончательного и общепризнанного решения, что создает необходимость дальнейшего изучения темы.

Другой важной причиной избрания темы диссертации стала назревшая необходимость осмысления вновь полученных археологических материалов (прежде всего эпиграфических документов) боспорских городов и ближайшей варварской периферии, некоторые из которых вносят значительные коррективы в наши представления о характере раннебоспорской государственной системы.

Таким образом, вышеперечисленные обстоятельства в своей совокупности делают вполне актуальным предлагаемое историческое исследование.

Степень научной разработанности темы. Историография интересующей нас темы весьма обширна. Она неоднократно рассматривалась в опубликованных работах по истории Боспора, а часть ее даже стала объектом диссертационного исследования, что избавляет нас от подробного обзора всех исследований. По вопросам возникновения, организации и характера Боспорского государства, происхождению правящих династий существует несколько гипотез. Большинство из них восходит еще к работам XVIII-XIX вв., хотя наиболее полное обоснование они все же получили в работах второй половины XX в. Так, первая наиболее ярко выраженная гипотеза о причинах объединения городов Боспора Киммерийского и создания территориального государства, как следствия внутреннего развития городов Боспора, восходит к трудам В.В. Латышева, С.А. Жебелева, В.Ф. Гайдукевича. По их мнению, наиболее четко сформулированному С. А. Жебелевым, объединение было вызвано “стратегическими, а *главным образом экономическими соображениями* (курсив наш – В. Б.)”.

К этому же направлению в общем примыкает и Е.А. Молев, считающий создание Боспорского объединения следствием внутреннего экономического и политического развития полисов.

В целом в русле той же концепции представлены и работы В.Д. Блаватского, при этом наиболее основательно обосновавшего положение о первоначальном объединении Боспора под эгидой азиатских городов региона и о митиленском происхождении династии Археанактидов.

Концепция влияния греко-варварских отношений на причины объединения и характер Боспорского государства была заложена в работах М.И. Ростовцева, до сих пор остающихся образцом научного исследования. Это особенно ярко показывает недавно опубликованное рукописное наследие ученого. Для нашей темы особенно ценна глава VI этого наследия “Государство и культура Боспорского царства”, где М.И. Ростовцев наиболее

“досконально разработал тему взаимоотношений античности с миром окружающих варваров, показал оригинальность вклада обоих контрагентов – греческих городов и скифо-сарматских племен и, таким образом, обосновал значение этно-культурного взаимодействия, как решающего фактора исторического развития”.

Идеи М.И. Ростовцева были в значительной степени развиты в работах Ю.Г. Виноградова и поддержавших его В.П. Толстикова и Ф.В. Шелова-Коведяева, наиболее обстоятельно аргументировавших гипотезу о скифской угрозе, как главной причине объединения городов Боспора и симмахии-амфикионии, как первоначальной формы последнего. В настоящее время следует в русле данной концепции, но считает причиной объединения боспорян приход новой волны номадов, Ю.А. Виноградов. Целый ряд его статей и обе диссертации посвящены проблеме полиса на Боспоре и взаимоотношениям эллинского и варварского мира.

В последнее время в науке получает развитие новая идея политической зависимости Боспора эпохи Археанактидов от Персидской монархии, наиболее обстоятельно представленная в работах Г. А. Кошеленко, Н. Ф. Федосеева и В. П. Яйленко.

Следует также отметить очень высокое качество работ, посвященных различным аспектам истории Боспора, А. А. Завойкина, судя по которым, автор в недалеком будущем вполне может предложить собственную концепцию развития политической истории Боспора.

Таковы основные концепции формирования боспорской государственности в отечественной историографии. Представленное выше их разнообразие показывает острую дискуссионность исследуемой проблемы и отсутствие общепризнанных вариантов ее решения, что и по сей день делает ее актуальной.

Зарубежная историография Боспора сравнительно невелика. В ней можно выделить два периода: до 90-х гг. XX века и после. Из работ первого периода следует назвать, прежде всего, капитальное исследование по греко-скифским отношениям Э. Миннза, а также работы Р. Вернера, впервые четко обосновавшего характер власти Спартокидов, хронологию их правления, уделив также особое внимание такому институту, как соправительство.

Большинство других работ этого времени связано с публикацией археологических, эпиграфических и нумизматических материалов или касается истории Боспора в связи с историей других государств античного мира.

Для второго периода характерен рост участия зарубежных специалистов в боспорских исследованиях. В первую очередь здесь следует назвать работы профессора Трирского университета Хайнца Хайнена, из которых для нашей темы наиболее важны статья о Перисаде I и его сыновьях и статья о греках, иранцах и римлянах в Северном Причерноморье. Также следует отметить исследования, посвященные греко-варварским отношениям на Боспоре, профессора Лондонского университета (Экзетер) Д. Браунда, работы германского исследователя Й. Форназира, принимающего участие и публикующего материалы раскопок Танаисской экспедиции.

Особо следует отметить научную деятельность выходца из Грузии, а ныне преподавателя Сиднейского университета Г.Р. Цецхладзе. Помимо написания огромного количества (более 200) статей и двух монографий по различным проблемам истории античного Северного Причерноморья, он организовал издание целой серии сборников научных работ за рубежом, что позволило установить достаточно прочные контакты между восточноевропейской и западной наукой. Это, прежде всего, международная серия “Colloquia Pontica. Publications on the Archaeology and the Ancient History of the Black Sea”, в рамках которой вышло уже 8 томов.

Для темы нашей работы наиболее важна 6 книга серии, в которой опубликованы общие результаты историко-археологического изучения античного Северного Причерноморья в последние годы.

Следует назвать также и журнал Голландского археологического и исторического общества “TALANTA”, один из томов которого (соиздателем которого также является Г.Р. Цецхладзе) целиком посвящен истории и археологии Северного Причерноморья.

Таким образом, и зарубежная историография, благодаря росту в последние годы участия зарубежных специалистов в боспорских исследованиях, организации способствующих интеграции восточноевропейской и западной науки серий международных сборников, предоставляет достаточно возможностей для всестороннего изучения проблемы.

Источниковую базу исследования составляют данные античной литературной традиции, а также археологический, эпиграфический и нумизматический материал. Письменные источники по избранной теме немногочисленны и в большинстве своем малоинформативны. Прямых сведений о государственном строе Боспора письменная традиция практически не сохранила. Мы имеем в основном косвенные свидетельства античных авторов, которые лишь отчасти могут быть использованы для реконструкции политических ситуаций. Таковы сообщения Геродота о походах скифов в Синдику (IV, 28), а также Страбона (VII, 4,4) и Лукиана Самосатского (Тох., 44, 55) о дани, выплачиваемой Боспором варварам, породившие разнообразие мнений по проблеме взаимоотношений боспорских греков с варварским миром. При этом Страбон, будучи чрезвычайно внимателен к номенклатуре поселений, дает достаточно ценную информацию о политическом статусе некоторых из боспорских населенных пунктов в описываемое им время.

Следует также упомянуть речи афинских ораторов и, прежде всего, Демосфена (*Dem. adv. Lept.*, XX, 29-38) отражающие не только столь важные для обоих контрагентов контакты Боспора с Афинами, но и некоторые аспекты власти Спартокидов.

Наиболее же важным источником по данной теме является “*Bibliotheca historica*” Диодора Сицилийского. Именно благодаря содержащейся в ней краткой хронике нам известно об образовании Боспорского государства, о смене династии Археанактидов Спартокидами, об отдельных эпизодах из истории Спартокидов и их взаимоотношениях с местными племенами. Диодор достаточно скрупулезно передает имена, степени родства, последовательность правлений, даты смерти и воцарения боспорских тиранов. При этом, что особенно важно, он не искажает свидетельств своих предшественников и избегает собственных добавлений и интерпретаций.

Достаточно подробные сведения о внешнеполитической деятельности ранних Спартокидов (борьба за Феодосию, экспансия в Синдике) предоставляет Полиен (V, 23,44; VI, 9,4; VIII, 55), информация которого, касающаяся политических событий в Синдике, хорошо коррелирует с найденным в 1985 г. посвящением боспорского правителя Левкона I из Лябриса.

Эпиграфические памятники существенно дополняют, а во многих случаях восполняют пробелы литературной традиции, являясь единственным источником информации по тем или иным вопросам истории Боспора. Кроме давно изданных и достаточно хорошо изученных надписей, являющихся ключевыми документами для нас и сегодня, в настоящее время найдено и опубликовано два новых памятника времени Левкона I с Семибратнего городища и Нимфея. Вотив Левкона из Лябриса подтверждает сложную структуру политических интересов и протяженной по времени борьбы в синдских верхах, столь ярко представленную у Полиена (VIII, 55). Посвящение Теопротида из Нимфея в его сопоставлении с давно

известными лапидарными надписями позволяет по-новому посмотреть на процесс инкорпорирования и характер подчинения присоединенных к Боспору племен.

Монетные эмиссии боспорских городов имеют информативную ценность не только для специалистов-нумизматов, изучающих вопросы развития монетного дела Боспора, но и для исследователей его политической истории. Особый интерес представляют монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ, с легендой ΑΠΟΛ, признанная нимфейской еще одна серия древних монет с легендой ΣΑΜΜΑ. Привлечение нумизматического материала, учитывая общий дефицит источников, является зачастую неотъемлемым элементом аргументации в исследовании тех или иных вопросов генезиса Боспорского государства.

Из археологических материалов в нашем случае наиболее ценна информация о пожарах и разрушениях, следы которых фиксируются в нескольких населенных пунктах Боспора в позднеархаический и раннеклассический периоды, а также о находках остатков вооружения, позволяющая сделать определенные выводы о политических событиях в регионе.

Хронологические рамки. Нижней хронологической гранью данной работы является вторая половина VII в. до н.э. – время основания Таганрогского поселения, одной из первых греческих колоний в Северном Причерноморье. Хронологический промежуток со второй половины VII до конца VI в. до н. э. охватывает начальный этап становления греческих колоний, формирования их политической организации, выработки основных моделей греко-варварских взаимоотношений. Верхней хронологической границей выбран конец IV в. до н.э., – время утверждения сложившейся государственной системы Боспора и начала ее дальнейшей эволюции в рамках эллинистического мира.

Цель исследования: анализ развития государственности Боспора в ранний период его истории от основания апойкий до конца IV в. до н.э. с привлечением всех накопленных к настоящему времени источников и результатов научных исследований как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Поставленная цель определяет и ***задачи исследования:*** во-первых, рассмотрение всех групп источников и базирующихся на их интерпретации основных концепций генезиса Боспорского государства; во-вторых, представление типологического определения государственных систем Боспора на каждом конкретном этапе его истории; в-третьих, выявление основ стабильности и длительности функционирования сложившейся при Спартокидах системы, возможностей дальнейшей ее эволюции в период эллинизма.

Методологической основой диссертации является комплексный подход к источникам, представляющий собой совокупность приемов, методов и принципов исторической критики. В основу исследования положен *принцип историзма*, который предполагает рассмотрение всякого элемента общественного процесса в его развитии, изменении и взаимосвязи с другими явлениями и событиями. В разных частях исследования предпочтение отдавалось как общенаучным, так и конкретно-историческим методам. Из *общенаучных методов* следует выделить такие как *анализ* и *синтез*. Их использование позволило, в частности, детально рассмотреть обусловленное дефицитом источников значительное разнообразие авторских гипотез по проблеме образования Боспорского государства и, по возможности, объединить их по основным концептуальным направлениям. В конкретных разделах диссертации применялись также *индуктивный* (от частного к общему) и *дедуктивный* (от общего к частному) методы, что дало возможность, с одной стороны, проанализировав ряд частных аспектов истории Боспора, прийти к некоторым общим заключениям, а с другой,

отталкиваясь от существующих в науке общих представлений, к примеру, о древнегреческой колонизационной практике, сделать частные выводы относительно боспорских апоекий. Из *конкретно-исторических* методов предпочтение отдавалось *историко-сравнительному* и *историко-системному* методам. Применение первого позволило, проведя определенные сопоставления с политическими режимами схожего рода и, прежде всего, с близкой по времени сицилийской тиранией Дионисия Старшего, заполнить некоторые пробелы в государственной системе Боспора эпохи ранних Спартокидов. Использование же историко-системного метода дало возможность представить цельную картину исследуемой проблемы.

Научная новизна работы заключается в представлении автором собственной концепции становления боспорской государственности, что стало возможным благодаря совокупному анализу, с одной стороны, имеющегося по теме источникового материала с акцентом на недавно открытые и введенные в научный оборот памятники, а с другой стороны, самых последних научных гипотез, что позволило в итоге по-новому осмыслить многие спорные вопросы ранней политической истории Боспора.

Практическая значимость исследования состоит в том, что содержащийся в нем материал может быть использован, во-первых, в дальнейших научных изысканиях по проблеме зарождения и развития боспорской государственности, во-вторых, в педагогической практике, в частности, при разработке лекционных курсов и спецкурсов по проблемам исторического развития греческих государств на периферии античного мира.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Расстановка политических сил на Боспоре в доархеанактидовский период характеризовалась существованием “раннебоспорского

объединения” с центром в Пантикапее с одной стороны, и ряда независимых полисов с другой.

2. Образование государства Археанактидов было следствием внутренних событий на Боспоре.

3. Спартокиды продолжили и завершили объединение греческих апойкий региона, распространив свою экспансию и на варварские племена в Прикубанье.

4. Присоединение местных племен имело принципиальное значение для формирования фундамента новой государственной системы.

5. В своей основе она сложилась в период правления Левкона I и в таком виде с незначительными изменениями в сторону ее усовершенствования просуществовала вплоть до подчинения Боспора Понту.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, а также приложений, списка источников и литературы и списка сокращений.

II. Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются цель и основные задачи исследования, обосновываются хронологические рамки исследования, характеризуется методологический подход, научная и практическая значимость работы.

В **первой главе** – “*Источники и историография*” – дается анализ основных свидетельств античной литературной традиции (первый параграф), накопленного к настоящему времени эпиграфического, нумизматического и археологического материала с акцентом на недавно открытые и введенные в научный оборот памятники (второй параграф); представлены основные достижения отечественной (третий параграф) и зарубежной (четвертый параграф) историографии.

Во второй главе - “Государственные системы Боспора в доархеанактидовскую эпоху” – рассматриваются вопросы характера колонизации региона, политического статуса основанных поселений, их государственного устройства. Учитывая неоднократно отмечаемую в научной литературе руководящую роль Милета в колониальных переселениях ионийцев, а также позиции Пантикапея как самой древней, экономически развитой колонии Милета, установившей достаточно стабильные взаимоотношения (Steph. Byz, s. v. “Παντικάλιον”) с периодически появляющимися в регионе кочевниками (Hdt., IV, 28), мы предполагаем значительную роль данного боспорского центра как посредника в процессе освоения региона. Последнее способствовало формированию под эгидой Пантикапея так называемого “раннебоспорского объединения”, включавшего, кроме упомянутого полиса, значительную часть “малых” городов региона. Совокупность некоторых данных (размеры поселений, расположение относительно Пантикапея, распространение в них особо популярного в последнем культа Аполлона Врача) позволяет предположить вхождение в состав этого объединения Тиритаки, Мирмекия, Порфмия, Парфения, Зенонова Херсонеса и, вероятно, Китея, Корокондамы и Патрея.

Мы полностью разделяем мнение исследователей, считающих, что апойкии изначально конституировались как полисы. Таковыми с уверенностью можно считать Пантикапей, Феодосию, Гермонассу, Кепы, Фанагорию (о выведении которых на Боспор сообщает письменная традиция) и с небольшими оговорками Нимфей. Что же касается так называемых “малых” городов Боспора, то, учитывая основание значительной их части в ходе первичного освоения региона, а priori можно предположить наличие полисного статуса и у них. Тем более, что в отношении некоторых из них (Патрэй, Ахиллий, азиатский Киммерик,

Корокондама) это в какой-то степени подкрепляется данными эпиграфических и иных источников. При этом полисный статус могли приобретать и города, основанные в ходе внутрибоспорской колонизации, примером чему является Синдская Гавань (Горгиппия), наличие полисного статуса у которой не вызывает сомнений у большинства исследователей. Тем не менее, определяя политический статус боспорских поселений, необходимо учитывать небезапелляционность выводов, связанную, во-первых, с известным дефицитом источников, а во-вторых, с отсутствием общепринятых и окончательно выработанных критериев полиса.

Реконструкция государственного устройства выведенных на Боспор колоний ввиду полного молчания источников может быть представлена лишь в самых общих чертах и вынуждена носить весьма умозрительный характер. Опираясь на примеры из древнегреческой колонизационной практики, следует предполагать олигархический характер государственных систем большинства автономных боспорских городов, связанный с известной дифференциацией, проводившейся между первопоселенцами-апойками и последующими переселенцами-эпойками. Однако есть и достаточно веские основания говорить о тирании в качестве первоначальной формы организации власти, в частности, в Пантикапее, Фанагории и Гермонассе, благоприятные условия для установления которой создавала, в частности, ее высокая распространенность в то время в греческом мире.

Третья глава – “Государственная система Боспора при Археанактидах” – посвящена остродискутируемому в науке вопросу правления на Боспоре династии Археанактидов. В **первом параграфе** рассматривается проблема происхождения Археанактидов, решавшаяся исследователями в двух плоскостях: одни видели в них корпорацию одновременно властвующих над Боспором правителей, другие –

единоличных наследственных властителей из восходящего к аристократии того или иного греческого центра рода. На сегодняшний день практически всеми исследователями разделяется последняя из представленных позиций, но в двух противоборствующих вариантах: милетское и митиленское происхождение династии. Несмотря на то, что имя Археанакт засвидетельствовано и в Милете, и в принявшей участие в колонизации региона Митилене, логичнее, на наш взгляд, предполагать в качестве отправной точки развития Боспорского государства самый древний и экономически развитый полис региона – Пантикапей, а отсюда и пантикапейское (или милетское) происхождение Археанактидов. Об этом свидетельствует и Диодор, согласно которому Пантикапей всегда был резиденцией боспорских царей.

Второй параграф посвящен выяснению обстоятельств прихода Археанактидов к власти, территории управляемого ими государства, а также характера последнего. Все эти вопросы давно являются предметом острых научных дискуссий, что обусловлено наличием в нашем распоряжении лишь одного упоминания об Археанактидах в античной литературной традиции с указанием общего количество лет их правления (Diod., XII, 31, 1). Из материалов археологических раскопок нам известно о пожарах и разрушениях, следы которых зафиксированы в нескольких населенных пунктах Боспора в рамках первой трети V в. до н.э., а также о строительстве во второй четверти-середине того же столетия храма Аполлона в Пантикапее. В параграфе подробно рассмотрены все основные концепции по перечисленным выше вопросам с указанием на достоинства и недостатки (с нашей точки зрения) теоретических построений авторов.

По мнению диссертанта, приход к власти Археанактидов имел место в рамках упомянутого выше “раннебоспорского объединения”, в ситуации охватившего его внутреннего кризиса, связанного с ростом центробежных тенденций, приведших, в конечном счете, к отложению от Пантикапея ряда

зависимых от него городов. Именно в данном контексте следует рассматривать фиксируемые археологией следы разрушений и пожаров в Тиритаке, Мирмекии, Порфмии и Патрее, т. е. городах, входивших в состав “раннебоспорского объединения” и поплатившихся за попытку выйти из него. Учитывая это, а также признаваемый в настоящее время практически всеми исследователями тиранический характер их власти, политическая карьера Археанактидов могла начаться с введенного пантикапейцами какого-то чрезвычайного назначения (возможно, эсимнети), используя которое, им удалось впоследствии удержать однажды предоставленные полномочия. С другой стороны, Археанактиды могли прийти к власти и в результате государственного переворота, воспользовавшись политическими неудачами (возможно, безуспешными попытками восстановить status quo раннебоспорского объединения) предыдущей (оставшейся за пределами внимания античных авторов) тиранической династии. Как бы там ни было, учитывая то, что созданный Археанактом режим пережил своего основателя, ему удалось выполнить поставленные перед ним задачи.

О дальнейшем правлении Археанактидов нам практически ничего неизвестно. Единственное, чем мы располагаем, это полученные в результате археологических раскопок данные о сооружении во второй четверти – середине V в. до н. э. храма Аполлона в Пантикапее, а также факт чеканки во второй-третьей четверти столетия монеты с надписью АПОЛ. Мы полностью согласны с исследователями, интерпретирующими данные монеты как эмиссию религиозной амфиктионии, центром которой являлся упомянутый храм Аполлона. По мнению В. П. Толстикова, строительство последнего имело политический смысл – “храм должен был выполнять функции не только крупнейшего религиозного центра всего Боспора, но и своего рода символа политического объединения боспорских полисов”. Это замечание, на наш взгляд, вполне справедливо, но, учитывая

имеющиеся на сегодняшний день данные о малой распространенности культа Аполлона Врача (или вообще его отсутствии) при широком почитании других божеств во многих центрах Боспора, применимо, скорее, не к региону в целом, а к рассмотренному нами политическому образованию, в городах которого данный культ представлен достаточно широко.

По всей видимости, сооружением храма, посвященного популярному в городах раннебоспорского объединения божеству, а также чеканкой союзной монеты Археанактиды стремились, с одной стороны, сильнее сплотить вокруг единого центра покоренных недавно повстанцев, а с другой, придать созданному ими тираническому государству формально характер союза.

Четвертая глава – “*Формирование территориально-тиранической державы при ранних Спартокидах*” – посвящена рассмотрению обстоятельств смены в 438 г. до н.э. боспорских династий, процесса дальнейшей внешнеполитической экспансии ранних Спартокидов, приведшей к формированию гетерогенной по своей структуре территориально-тиранической державы. В ***первом параграфе***, на основании единственного в данном случае источника – хроники Диодора, кратко рассматривается вопрос хронологии правления ранних Спартокидов и, прежде всего, первых представителей династии. Последнее связано с путаницей, возникшей из-за расхождения в количестве лет правления преемников основателя династии Спартока I - Селевка и Сатира I в разных рукописных вариантах, следствием чего стало появление разного рода версий – от совмещения правлений Селевка и Сатира (Р. Вернер) или помещения между их отдельными правлениями “царствования” мифического Спартока II (В.В. Латышев) до отождествления Селевка и Сатира с отказом первому в историчности (В.В. Латышев – после ознакомления с Патмосским кодексом).

Во *втором параграфе* рассматриваются вопросы происхождения Спартокидов и обстоятельств прихода к власти, дается характеристика созданной ими государственности. Происхождение новой боспорской династии в научной литературе трактовалось по-разному: как фракийское, скифское, синдо-меотское и эллинское. Основная же полемика велась между варварским (в целом) и греческим происхождением династии. Учитывая, во-первых, то, что для самих древних Спартокиды являлись варварами (свидетельство Страбона со ссылкой на Хрисиппа - Strabo, VII, 3, 8), а, во-вторых, несостоятельность, в связи с передатировкой Анапского декрета (КБН, Addenda, 4), основного аргумента сторонников эллинского происхождения правителей Боспора, мнение о варварском их происхождении является более предпочтительным. Наиболее же аргументированным представляется мнение о фракийской принадлежности Спартокидов, в связи, прежде всего, со значительным сходством основных имен Спартокидов с аристократическими фракийскими именами, характерными для династии одрисских царей.

Смена династий произошла в результате государственного переворота. Учитывая политические мероприятия первых Спартокидов и, прежде всего, свертывание аполлонийской чеканки, что следует рассматривать как стремление ликвидировать даже видимость союзнических отношений между городами государства, Спарток I мог быть выдвинут сторонниками централизации государства и дальнейшей экспансии в отношении независимых полисов Боспора. В данном случае он мог действовать и по личной инициативе, используя высокое положение в государстве Археанактидов. Вполне возможно, что Спарток, о чем предполагал еще Г. Перро, предводительствовал отрядом фракийских наемников при последнем Археанактиде, использовав в определенный момент имеющиеся у него полномочия для узурпации власти. Во всяком случае, тот факт, что следующий правитель Сатир I заподозрил своего

сподвижника Сопея в заговоре (Isocr., 17, 5), что затем, кстати, оказалось беспочвенным (Isocr., 17, 11), некоторым образом свидетельствует о наличии в прошлом хорошо известного Сатиру прецедента, заставляющего его с осторожностью относиться к своему окружению.

Наиболее точное определение Боспорскому государству было дано Ю. Г. Виноградовым, охарактеризовавшим его как территориально-тираническую державу, включавшую в себя греческие города и территории местных племен. Во главе государства стоял тиран, управляющий им с помощью бюрократических органов власти. Именно так определяют власть Спартокидов большинство античных авторов, что подкрепляется и отсутствием у них какого-либо политического статуса в официальных документах. При этом как эпиграфические, так и нарративные источники фиксируют факт совместного участия в управлении государством сразу нескольких представителей династии, что позволяет говорить о так называемой коллективной или корпоративной тирании, как специфической форме правления. Последняя выражалась в том, что тиран официально использовал сыновей и других родственников в качестве государственных служащих высшего ранга (формула “ο δεινα και παιδες” (такой-то и сыновья) боспорских декретов). После же его смерти в качестве “соправителей” в течение некоторого времени выступали два старших брата (Левкон I и Горгипп, Спарток II и Перисад I, Сатир II и Притан). Тем не менее, официальным носителем власти (хроника Диодора), обладателем верховного титула (датировочные формулы боспорских посвящений) всегда был только один из Спартокидов.

Как и в других режимах схожего рода и, прежде всего, в близкой по времени тирании Дионисия Старшего, в Боспорском государстве появляются новые, чуждые полисной системе, социальные элементы – “друзья” и наемники тирана. И те, и другие неоднократно упоминаются в источниках. “Друзья” играли значительную роль в делах государства, о чем

свидетельствует пример сподвижника Сатира I Сопея (Isocr., 17, 3), послов Сосия и Феодосия, о высоком положении которых говорит их “отдельное восхваление” афинянами в декрете в честь сыновей Левкона I. Они же, по всей видимости, составляли обсуждавший важнейшие государственные дела совет тирана, что позволяет предположить параллель из той же сицилийской державы Дионисия. Тем не менее главную опору режима составляли наемники, позволяющие Спартокидам сохранять контроль и власть как над греческими, так и над варварскими подданными государства.

Третий параграф посвящен правлению одного из самых выдающихся боспорских тиранов – Левкона I и его ближайших преемников. Особое внимание в параграфе уделено значению внешнеполитической деятельности Левкона I (речь идет, прежде всего, об инкорпорировании в состав государства племенных территорий) для формирования материального фундамента власти Спартокидов.

Датировочные формулы боспорских посвящений перечисляют в качестве составляющих Боспорского государства времени Левкона племена синдов, торетов, дандариев и псесов (надпись Теопропида из Нимфея, КБН, 6а, 6, 8, 1037, 1038). Не менее успешная деятельность в этом направлении преемника Левкона Перисада I способствовала пополнению этого списка именами фатеев (КБН, 9, 1015) и досхов (КБН, 972). Варвары, о чем свидетельствует “пышная” титулатура Спартокидов, были подвластны лично боспорским тиранам. Учитывая это, их подчинение должно было иметь принципиальное значение для упрочения власти последних. Это создавало личный экономический базис династии, не связанный с полисной собственностью и выходящий за рамки полисной системы, что делало Спартокидов независимыми от последней, а с другой стороны, ставило в определенную зависимость от них боспорское гражданство. Если, например, в Ольвии и Херсонесе мы знаем о

возникающих перебоях в снабжении хлебом, развивающейся на этой почве спекуляции, то ничего подобного нам неизвестно на Боспоре. И вряд ли это следует объяснять только лишь малоинформативностью наших источников. Располагая столь мощным экономическим резервом, превратившим Спартокидов в крупнейших экспортеров хлеба (Dem., XX, 29-38; Dein., I, 43), они, по всей видимости, могли гарантировать экономическую стабильность (что было, естественно, в их интересах) и населению собственного государства. С другой стороны, получив стабильную, высокодоходную и – самое главное – выходящую за пределы полисной системы материальную базу, Спартокиды могли содержать подчиненную только им наемную армию, не прибегая к помощи ни греческих, ни варварских подданных, позволяющую им сохранять контроль и власть над обоими элементами системы.

Именно в этом, по мнению диссертанта, кроется основная причина длительности и стабильности режима Спартокидов, и именно с этим – наряду с продуманной политикой Левкона I в целом – связано наименование древними авторами правящей на Боспоре династии как “Левкониды” (Ael. Var. hist. VI, 13). Преемники Левкона, как уже было сказано выше, продолжили его политику, не только присоединив к государству новые племенные территории, но и значительно подняв его авторитет в греческом мире.

В *четвертом параграфе* рассматривается краткий эпизод из боспорской истории, а именно, вспыхнувшая после смерти Перисада I борьба за власть между его сыновьями Сатиром II, Пританом и Эвмелом. Основным источником по данному вопросу является известный отрывок из “Исторической библиотеки” Диодора (Diod., XX, 22-25), восходящий, скорее, не к хронике, а к местному труду по истории Боспорского царства. В одном из фрагментов пассажа, повествующем о созыве после окончания войны младшим братом Эвмелом народного собрания (Diod., XX, 24),

говорится о восстановлении последним *την πάτριον πολιτείαν*. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, конкретное содержание восстановленной Эвмелом “*πάτριος πολιτεία*” в эллинистическое время было весьма разнообразным. В связи с чем данное выражение следует толковать в общем – как “отцовский образ правления”. В. В. Струве и И. Б. Брашинский заявление Эвмела восстановить *την πάτριον πολιτείαν* понимали как обещание вернуть прежнюю, “династическую” систему управления государством, нарушенную либо реформированием государственной системы Перисадам I (В. В. Струве), либо самим Эвмелом, который, будучи младшим сыном Перисада I и не имевшим, отсюда, прав на власть, захотел получить свою долю в управлении государством (И. Б. Брашинский). По мнению К. М. Колобовой, речь в данном случае шла о восстановлении “отцовской конституции” *города*, нарушенной Эвмелом убийством “друзей” своих братьев, многие из которых были гражданами Пантикапея. В данном случае мы разделяем мнение предыдущих исследователей, но в том конкретном варианте, который был предложен И. Б. Брашинским. Так как изначально Эвмел своим выступлением против братьев нарушил не права города (Пантикапея), а именно сложившуюся систему наследования и управления государством.

Правлением Эвмела завершается период ранних Спартокидов на Боспоре. В научной литературе долгое время бытовало мнение о *коренных изменениях*, произошедших в государстве в конце IV в. до н. э., превративших его в единоличную монархию. Основным аргументом ученых было принятие Спартоком III, сыном Эвмела, царского титула (МИС, 4; КБН 19), на основании чего сторонники разных концепций и взглядов на внутривосточные события последнего десятилетия IV в. приходили к единому мнению относительно конечного их результата. Тем не менее, как показывает анализ источников, никаких кардинальных

изменений в Боспорском государстве на рубеже IV-III вв. до н. э. не произошло. Во-первых, сохранялась прежняя система корпоративной тирании, о чем свидетельствует, прежде всего, изданный от имени нескольких правителей и датированный временем правления Спартока III (сына Эвмела) декрет из Анапы (КБН, Addenda, 4). Во-вторых, приводимое в качестве основного аргумента принятие Спартоком III царского титула (МИС, 4; КБН, 19) было отнюдь не закономерным этапом развития государственной системы Боспора. Это произошло в значительной степени под влиянием соседних эллинистических монархий и отражало общие перемены в античном мире, когда царская власть становилась вполне привычным делом. О формальности принятого титула говорит терминологическая невыдержанность титулатуры боспорских правителей, содержащая вплоть до последних “Перисадов” традиционный двойной титул, как один из альтернативных вариантов. В этом же духе следует рассматривать и последующую царскую чеканку, несмотря на появление которой, основным эмитентом вплоть до конца правления династии продолжала оставаться гражданская община Пантикапея.

Конечно, полностью отрицать какие-либо изменения в государственной системе Боспора на рубеже IV-III вв. до н. э. и в последующее время неправомерно. Об этом говорит сам факт принятия Спартоком III царского титула. Тем не менее, они не носили принципиального характера и не затрагивали основ сложившейся государственной системы. Она по своей сути осталась прежней.

В **заключении** подводятся основные итоги исследования.

В течение сравнительно небольшого хронологического периода на территории будущего Боспорского государства появляется значительное количество греческих поселений, первым из которых в конце VII – первой четверти VI в. до н.э. был основан Пантикапей. В силу характерной практики переселения ионийских греков, а также некоторых

сопутствующих факторов здесь, наряду с независимыми полисами региона, уже в VI в. до н.э. сформировалось более сложное политическое образование, включавшее Пантикапей и находящиеся в зависимости от него некоторые из “малых” городов региона. Около 480 г. до н.э. в нем устанавливается 42-летнее правление первой засвидетельствованной литературной традицией (Diod., XII, 31, 1) династии Археанактидов. Управляемый ими “Боспор Киммерийский” (Diod., XII, 31, 1), являясь по сути тираническим государством, формально имел характер союза – религиозной амфикионии городов, объединившихся вокруг храма Аполлона в Пантикапее и чеканивших от ее лица монеты с надписью АПОΛ. Все меняется с приходом в 438 г. до н.э. к власти новой династии Спартокидов, ликвидировавшей даже видимость союзнических отношений между городами государства (свертывание аполлонийской чеканки) и начавшей планомерное подчинение независимых полисов региона, а затем и варварских племен Прикубанья. Итогом стало создание гетерогенной по своей структуре территориально-тиранической державы с достаточно сложным аппаратом управления, возглавляемым “корпорацией” боспорских тиранов. В своей основе государственная система Боспора сложилась в период правления Левкона I и в таком виде с незначительными изменениями в сторону ее усовершенствования просуществовала вплоть до подчинения Боспора Понту.

Апробация работы. Результаты исследования изложены в выступлениях автора на научных конференциях: “VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова” (исторический факультет ННГУ, 2000), “Античность в современном измерении” (Казань, 14-16 ноября 2001 г.), “XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР, профессора С.И. Архангельского” (исторический факультет НГПУ, 2003). Диссертация

обсуждалась на заседании кафедры всеобщей истории исторического факультета НГПУ.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Борисова, В.С.* Монеты с легендами АП-АПОЛ на Боспоре / В.С. Борисова // VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. - Н. Новгород: ННГУ, 2000. – С. 25-26. (0, 1 п. л.).
2. *Борисова, В.С.* Монеты с легендой АП-АПОЛ и политическая история Боспора / В.С. Борисова, Е.А. Молев // Μνημα. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора В. Д. Жигунина. - Казань, 2002. – С. 269-274. (авторский вклад – 0, 2 п. л.).
3. *Борисова, В.С.* Боспорские Археанактиды в отечественной историографии / В.С. Борисова // Из истории античного общества: Межвузовский сборник научных трудов. – Н. Новгород: ННГУ, 2003. – Вып. 8. - С. 14-23. (0, 5 п. л.).
4. *Борисова, В.С.* Проблема государственного устройства городов Боспора в доархеанактидовский период / В.С. Борисова // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2003. - Вып. 4. – С. 21-25. (0, 2 п. л.).
5. *Борисова, В.С.* Проблемные вопросы правления Археанактидов на Боспоре (историографический аспект) / В.С. Борисова // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. – Н. Новгород, 2003. – С. 46-47. (0, 2 п. л.).
6. *Борисова, В.С.* К вопросу об аристократии на раннем Боспоре / В.С. Борисова // Наш “Анабасис”. Сборник статей магистрантов и аспирантов. – Н. Новгород: ННГУ, 2003. – Вып. 1. – С. 3-6. (0, 2 п. л.).

7. *Борисова, В.С.* К вопросу о хронологии монетных выпусков Нимфея / В.С. Борисова // Наш “Анабасис”. – Н. Новгород: ННГУ, 2005. – Вып. 3. – С. 8–12. (0, 2 п. л.).
8. *Борисова, В.С.* Проблема соправительства на Боспоре / В.С. Борисова // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – Серия История. – Вып. 1(4). – Н. Новгород, 2005. – С. 160–165 (0, 4 п. л.).